

Александр КАРАБАЕВ,
политолог

Карабах 2018: шаг к соглашению или к войне?

Будущий год с высокой вероятностью принесет изменение сложившегося рисунка карабахского лавирования между войной и миром. Президентские выборы в Армении приведут к размытию ответственности за военные и внешнеполитические решения Еревана между отдельными группами правящей элиты. Президент сможет принимать решения не единолично, а только в связке с правительством и парламентским большинством. Это значит, что встречи и увещания тет-а-тет, которые и прежде имели небольшой эффект, теперь и вовсе теряют значение. Даже такой мастер закулисных ходов, как Владимир Путин, не говоря уже о сопредседателях Минской группы ОБСЕ, других зарубежных дипломатах, окажется перед вопросом - с кем разговаривать в Ереване?

Фактически сколько-нибудь **реальных результатов в давлении на Армению за прошедшие после заключения перемирия в мае 1994 года годы Азербайджан добился только собственными усилиями** экономического и военного характера. Это достигнуто за счет блокирования и усложнения транспортной логистики для Армении в Турции и в особенности Грузии (в частности, с открытием железной дороги Баку – Тбилиси - Карс), и по итогам боевых действий в апреле 2016 года.

Фундаментальная опасность нынешней ситуации заключается в том, что размываются грани между мирной жизнью и военными действиями. Формально Азербайджан не воюет (действует соглашение о перемирии), но часть территории оккупирована, в перестрелках и спорадических боевых действиях постоянно гибнут граждане - не

только военные, но и штатские, в том числе дети. В этом плане прослеживается сходство между ситуацией в Азербайджане и глобальной: мировой войны нет, но как минимум треть всех существующих на планете государств (больше, чем участвовало во второй мировой войне – 62) так или иначе вовлечена в вооруженные конфликты. Отсюда притупленное отношение мирового сообщества, включая даже посредников МГ ОБСЕ, к карабахскому конфликту, а это еще более усиливает риски войны.

Каталония - Карабах: сходства в отличиях

Характерно, что интерес к карабахскому конфликту усиливается в такт с очагами сепаратизма в самой Европе. В Каталонии состоялось голосование на референдуме о независимости, который не признает испанское правительство и проведение которого было заблокировано Конституционным судом Испании. Отделение от Испании поддержало 90% участников референдума. Однако на следующий день после провозглашения независимости Каталонии (27 октября) в Барселоне прошла массовая акция сторонников единства с Испанией, в которой участвовало от 300 тыс. (по данным городской полиции) до 1 млн. (по данным организаторов) человек. Это стало наглядной демонстрацией того, что ранее показывали опросы общественного мнения: сторонников отделения в Каталонии приблизительно столько же, как и поборников единой Испании. Также высока политическая мобилизация обеих групп.

Налицо ряд факторов, сближающих ситуацию в Испании с СССР конца 1980-х годов. Первый - **структура конфликта**. Есть **сепаратистски настроенный регион** (Карабах, Каталония), в составе государства, имеющего над ним легитимную власть (Азербайджанская ССР, Испания) и в свою очередь входящего в состав масштабной интеграционной системы (Советский Союз, Евросоюз). Второй момент - **власти центра теряют влияние**, но сепаратисты до определенного момента не настолько сильны, чтобы сформировать дееспособное правительство. Многие решают силовые акции - захваты оружия и заложников, теракты.

Третий фактор: **интеграционный Центр не способен адекватно реагировать на происходящее**, перелагая ответственность на официальное руководство рангом ниже. Сегодня нет оснований говорить, что ситуация в Каталонии приведет к распаду Испании. Но совершенно очевидно наличие тенденций к усилению сепаратизма в странах ЕС. Как на это реагировать, у европейской бюрократии пока идей не заметно. Ситуация разительно напоминает то, как в Москве 1988-89 годов реагировали на процессы на Южном Кавказе. **И «евро»-Брюссель, и советская Москва слишком мало сделали для преодоления сепаратистских настроений** в регионах. Такая пассивность уже привела к распаду СССР. Европа пока на развилке. И в одном, и в другом случае сепаратизм не единственная причина системного кризиса, но -

в числе главных. Попытки заморозить кризис и свести сепаратизм обратно в политические коридоры указывают на отсутствие позитивного сценария выхода из кризиса на базе сочетания демократических норм и принципа целостности государства.

Каталонцы не первую сотню лет стремятся к независимости, это одна из коренных наций Европы, и доля исторической справедливости в их притязаниях, безусловно, есть. С Арменией ситуация иная. **Получив отдельную республику в составе СССР, армянские лидеры вознамерились создать второе государственное образование на территории соседей - в Азербайджане**, населенном различными национальностями, включая и армян. В этом плане армянский национализм более агрессивен по отношению к соседям.

Успех любого политического движения не в последнюю очередь зависит от способности манипулировать общественным мнением. В советский период монополизация СМИ привела к тому, что успеха в информационной войне можно было добиться, имея влиятельное лобби. Вот почему тактика ультиматумов армянской стороны получила оправдание в сознании сторонников реформ в СССР и приносила успех.

В активизации сепаратистских настроений как в Испании, так и 30 лет назад в СССР, велика роль экономического фактора. Мировой экономический кризис 2008-2010 годов поднял число сторонников независимости Каталонии. И это, конечно, определенным образом стыкуется с тем кризисом, который

в свое время наблюдался в СССР. Как и в республиках позднего СССР, в Каталонии не удовлетворены устройством системы бюджетных трансфертов, по которой Мадрид забирает из бюджета провинции чуть больше, чем возвращает. Хотя регионы Испании имеют право самостоятельно распоряжаться расходами бюджета на образование и здравоохранение, а это, кстати, не снилось многим российским регионам до сих пор.

Однако различия ситуаций в Азербайджанской ССР и нынешней Испании также глубоки. Во-первых, в Испании нет такого накала межнациональных трений, который мы видели в Нагорном Карабахе 1988-89 годов. Испания когда-то переболела этой болезнью, и теперь **проявлений такого антагонизма, который искусственно раздувался между армянами и азербайджанцами 30 лет назад, трудно представить на испанской почве.** Поэтому каких-то экстремальных способов борьбы за независимость в Каталонии мало кто ожидает. Хотя, конечно, если пустить эти процессы на самотек, в какой-то момент ситуация вполне может выйти из-под контроля.

Тупик переговоров

Но вернемся к карабахскому процессу. Официальные встречи президентов Алиева и Саргсяна, а их было более десятка, превратились в некий ритуал, призванный доказывать способность посредников из МГ ОБСЕ держать ситуацию

в некоем равновесии весь период режима перемирия. Периодический **совместный выход президентов враждующих стран на международную авансцену носит процедурно-дежурный характер:** он необходим для отметок символических вех на шкале дипломатического процесса, указывая, что диалог между сторонами в принципе возможен.

Впрочем, бывали моменты усиления оптимизма в отношении перспектив переговорных усилий. В 2008 году на встрече в подмосковном замке Майндорф совместно с президентом РФ Медведевым была подписана декларация, согласно которой стороны обязались разрешить конфликт мирным путем. В 2010 году в Астрахани президенты Армении и Азербайджана согласились обменяться пленными и возвращать останки погибших. **В повестке встречи 2011 года в Казани был вопрос об основных - так называемых мадридских принципах урегулирования** конфликта. Широкий резонанс имела и последующая встреча в Сочи в 2012 году.

Из данного ряда несколько выделяется прошлогодняя встреча 16 мая в Вене. Хотя остается дискуссионным вопрос, насколько она была важна в плане согласования механизмов урегулирования. С одной стороны, это была существенная веха: сразу после апрельских боевых действий 2016 года, когда многие полагали, что технический диалог между Ереваном и Баку на некоторое время прервется, стороны договорились неукоснительно выполнять соглашения о перемирии от

1994 года и об укреплении режима прекращения огня - от 1995 года. Президенты согласились, что необходим мониторинг возникающих инцидентов и внедрение механизма их расследования в рамках полномочий команды постоянного представителя ОБСЕ. Но пункт о мониторинге отпал сам собой из-за отсутствия технической проработанности предложения, **о соблюдении же документов о перемирии не приходится говорить всерьез, поскольку на линии фронта фактически не прекращаются боевые действия низкой интенсивности, и в целом учитывая факт оккупации части азербайджанской территории.** Реальный механизм остановки эскалации действует через прямые телефонные переговоры между президентами России, Азербайджана и Армении, а дипломатические документы скорее визируют факт состоявшейся сделки или договоренности. Поэтому с точки зрения длительного дипломатического эффекта, за редким исключением, трудно говорить об их практической ценности. И конкретное значение последней встречи сводится к тому, что президенты могли неформально, «по-джентельменски» договориться о паузе. Такой вывод можно сделать из заявления МИД Азербайджана: *«Встреча прошла в конструктивной атмосфере. Президенты согласились принять меры для интенсификации переговорного процесса и предпринять дополнительные шаги для снижения напряженности вдоль линии соприкосновения».*

Несколько в ином тоне выдержано высказывание президента Саргсяна на встрече с армянской диаспорой Швейцарии: *«Мы договорились принять меры для дальнейшего ослабления напряженности, чтобы на передовой у нас не было жертв. Должен сказать, что и президент Азербайджана, и я в этом глубоко заинтересованы».* После такого умиротворяющего начала следуют **слова, которыми Саргсян как бы толкает Азербайджан взяться за оружие:** *«Однако ещё в одном вопросе хочу, чтобы вы все были уверены: для нас нет решения, которое может каким-либо образом нарушить безопасность Карабаха. Для нас единственным решением является то, чтобы Карабах был вне Азербайджана».*

Насколько реальна эскалация в наступающем 2018 году, когда пройдут президентские выборы в Армении и в Азербайджане? Как правило, предыдущие предвыборные циклы порождали серьезные алармистские ожидания у наблюдателей. И теперь

очередная волна кризисной эскалации в будущем году представляется более вероятной, нежели старт широкого переговорного процесса.

Возникает вопрос: а для чего все эти раунды переговоров? Если Азербайджану не удалось решить проблему оккупации при прежней политической конфигурации в Армении, когда значимые для армян вопросы военного контроля над Карабахом зависели от решения одного человека, то стоит ли ожидать каких-то шансов на успех дипломатии в последующем? **В рамках парламентской реформы в Армении рычаги военного управления и внешней политики с 2018 года переходят от президента к правительству и парламентской коалиции.** Учитывая несовпадение политических ритмов двух стран - в Армении выборы весной, а в Азербайджане осенью, техническая возможность соблюдения двусторонней договоренности крайне зыбкая. С другой стороны, Москве необходимо добиться, чтобы вероятная эскалация носила короткий и очень локальный характер. **Россия в целом заинтересована в балансе, но это не абстрактное замороженное равновесие, а равновесие в движении, учитывая, что Азербайджан и Армения – важнейшие партнеры и союзники России,** и не только регионального значения. Карабахский конфликт - это война между двумя друзьями России.

Роль Москвы

Перед Кремлем стоит достаточно сложная дилемма - **помочь разрешить конфликт, не потеряв влияние на обе стороны.** Поэтому маневрирование Москвы в плоскости макроэкономики и военно-технической политики в отношении Баку и Еревана строится по принципу «каждому по потребностям». Понятно, что такая позиция не выглядит справедливой и последовательной как с точки зрения Баку, так и с позиции Еревана. Этот момент особенно рельефно проявился **в апреле 2016 года, когда Россия позволила Азербайджану до какого-то момента развить успех в боях на карабахском фронте, а затем по просьбе Еревана дипломатически вмешалась в кризисную ситуацию.** Россия не может предать своего давнего друга и союзника Армению, но не может пойти и на разрушение тщательно выстраиваемых долгие годы отношений с Азербайджаном и стоящей за ним Турцией.

После апреля 2016 года более четко проявился алгоритм действий Кремля. Публикации данных о поставках российского вооружения в Азербайджан в 2011-2012 годах породили предположения, что **Москва готова к возможному обострению конфликта до степени локальных боевых действий. Это подтвердили итоги апрельской войны.** Понятно, что мы не можем знать, как именно Россия рассматривает свою способность контролировать ситуацию в Карабахе, действительно ли она допускает боевые действия или не в состоянии вмешаться в события чисто технически, исходя из того, что локальное столкновение длится всего несколько суток. На мой взгляд, Москва все же допускает локальные боевые действия, иначе она просто не продавала бы Азербайджану современное вооружение. Есть и другая точка зрения: столкновение начинается спонтанно, а затем неизбежно уходит время на то, чтобы Серж Саргсян позвонил Владимиру Путину, а тот в свою очередь Ильхаму Алиеву для прекращения боевых действий. Ведь фактически нет других способов реагирования, кроме непосредственных звонков между лидерами Армении, Азербайджана и России.

Наконец, заслуживает внимания и такая интерпретация: Путин вряд ли просто так допускал обострение в Карабахе и наверняка вмешался бы, ведь

у России достаточно средств объективного контроля за ситуацией. Если Путин не вмешивается, значит, **у Баку есть определенный карт-бланш на действия на оккупированной территории для изменения сложившейся расстановки с тем, чтобы с новых переговорных позиций строить диалог с Ереваном.** На переговорный процесс это прямо не влияет, меняется лишь политическая атмосфера, настроения лидеров, а проблема включается в общий треугольник Россия – Армения - Азербайджан, содержание которого сводится главным образом к экономическим связям России с двумя другими странами.

Многие ожидают, что экономическое и торговое взаимодействие в треугольнике должно привести к тому, что Россия изменит характер конфликта, предпримет шаги по снижению его интенсивности, приведет стороны к конкретному решению, но пока этого нет. Происходит обратное: конфликт вклинивается в текущие дела между Баку и Москвой, Ереваном и Москвой, оказываясь раздражающим фактом. И Россия закрывает на это глаза, видимо, имея некую стратегию, контролируя проблему в более широких границах и давая свободу действий Баку в локальном масштабе. Такая **политика «динамического баланса» проявляется в одном из ключевых механизмов влияния Москвы на конфликт - в сбалан-**

сированном военно-техническом сотрудничестве с Арменией и Азербайджаном. Касательно баланса сил, трудно достоверно определить, на чьей стороне военное преимущество, так как в случае кризисной эскалации количество и качество военной техники не всегда служат критерием эффективности. Россия продолжает поставки Азербайджану новой военной техники по контрактам 2010-2012 годов, и, вероятно, будут подписаны последующие контракты. Поэтому, следуя своей политике качелей, необходимой для сохранения влияния на конфликтующие стороны, Кремль продолжает военную поддержку и Армении.

Интересы США и РФ расходятся все дальше

С момента первой публикации «мадридских принципов» урегулирования карабахского конфликта прошло более 10 лет. За эти годы сменилась не одна президентская администрация в США. В течение всего этого времени в посредничестве по урегулированию конфликта Россия имела дело с администрациями Билла Клинтона, Джорджа Буша-младшего, Барака Обамы, теперь Дональда Трампа – все это разные внешнеполитические линии. Можно констатировать, что **прежде атмосфера доверия между Москвой и Вашингтоном на карабахском треке была на**

порядок выше и более внушала оптимизм, чем теперь. Многократно в СМИ разных стран, которые как-либо участвуют в урегулировании конфликта, высказывались ожидания, что Москва и Вашингтон договорятся. Но если они не договорились до сих пор по общим механизмам, которые позволили бы сдвинуть процесс урегулирования с мертвой точки, то нет смысла ждать, что теперь он приобретет некую иную динамику. Более того, поскольку конфронтация между Россией и Америкой по вопросам, связанным с Крымом и Украиной, только усиливается, следует ожидать блокирования со стороны США урегулирования карабахского конфликта по мадридским принципам, которые способствовали бы укреплению российского влияния на Кавказе.

Южный Кавказ находится на границе интересов НАТО и России: Грузия фактически стала на путь интеграции в НАТО, пусть без юридического членства, **Армения - российский военный форпост, участник ОДКБ. Азербайджан же выступает важным импортером российской военной техники и надежным экономическим партнером, участвует в российских программах военной коммуникации в регионе СНГ.** И Азербайджан, и Армения, по-разному поддерживая баланс своего участия в «не российских» оборонных проектах, тем не менее создают опору военно-

политическим и экономическим интересам РФ в регионе. Кремль стремится уберечь сложившуюся архитектуру от внешнего размывания. Но военный конфликт между друзьями России, безусловно, ослабляет потенциал развертывания российских экономических проектов в регионе.

В Баку понимают сложившуюся диспозицию и грамотно используют в своих интересах, поддерживая конструктивные отношения с российским военным ведомством, которое выступает партнером в военно-техническом сотрудничестве и в военном образовании, а также играет роль основного «рефери» военной активности в зоне карабахского конфликта. Естественно, что Баку интересуется продолжением закупок военной техники. Поставки Азербайджану боевых машин пехоты БМП-3 по контракту 2010 года планируется завершить в 2018 году. Что потом? Несмотря на указ президента РФ, запрещающий преждевременное разглашение сведений из области военно-технического сотрудничества с иностранными государствами, внимание СМИ к этой теме не ослабевает, а публичная информация черпается на оборонных выставках. Кроме известных высказываний об интересе Баку к высокотехнологичным средствам ПВО, есть вероятность переговоров с Москвой о закупке модернизированных танков Т-72Б3, оснащенных более мощным двигателем в 1130 л.с. и улучшенным комплексом вооружения (система прицеливания с цифровым дисплеем, видеокамера заднего обзора, модули динамической защиты «Реликт»). Таким образом, **военно-техническое сотрудничество Азербайджана с Россией развивается поступательными темпами**, местами опережая уровень аналогичных связей с другими странами.

После апреля

События 2017 года - столкновение в ночь на 25 февраля и артобстрелы по всей линии соприкосновения с официально подтвержденной гибелью пятерых военнослужащих Азербайджана стали предупреждением о возможном повторении «апрельской войны». Станут ли такие боевые эпизоды регулярными, каковы последствия и как их вписать в стратегию мирного сближения?

Прогнозы экспертов о возможности повторения подобного по силе столкновения различаются только в деталях. Действительно, февральские столкновения 2017 года по масшта-

бам и числу жертв несопоставимы с прошлогодними апрельскими боями. Известный дисбаланс в пользу Азербайджана, возникший в результате закупок современной военной техники в России, Израиле, ЮАР, Беларуси, частично сглажен после появления в Армении при юридически неясных обстоятельствах четырех ракетных комплексов «Искандер». То, что на данный момент освобождение небольшого участка азербайджанской территории (порядка 800 га) не привело к изменениям на уровне переговоров, не столь важно, так как речь идет о малых шагах, о совокупности мер, результат которых проявится только через некоторое время. Главное с точки зрения Баку то, что **в случае успеха Азербайджана в подобных локальных боях, с ростом напряженности по всей линии фронта общественное мнение в Армении накапливает упреки в адрес своего военно-политического руководства, а круг сторонников идеи диалога с Азербайджаном расширяется**. Тем более что современные средства коммуникации позволяют общественному мнению быть на переднем рубеже событий, и локальный успех той или иной стороны сильно влияет на общественную атмосферу.

При всей нынешней напряженной ситуации на фронте, когда зыбкое перемирие то и дело нарушается, Азербайджан видит разрешение нагорно-карабахского конфликта в переговорном процессе. Военные действия будут, сейчас это очевидно, но в то же время будет развиваться диалоговая платформа, расширение экономических программ и доведение до населения способов экономического обустройства в Карабахе. Сейчас речь идет о том, что, не отказываясь полностью от военного фактора, будут поощряться и активизироваться новые гражданские и экономические инициативы.

Каким будет мир?

Не так давно философ Александр Дугин опубликовал статью «Горизонт идеальной империи». Для изображения футуристической картины посттехнологического будущего человечества автор берет платоновскую модель идеального государства. Образы в статье могут позабавить, но здесь представлена воображаемая безмятежно гармоничная картина будущего идеального человечества, когда нет места этно-территориальным конфликтам - они

остались в далеком прошлом. В этом прошлом мы как раз и живем, и до идеального мира нам еще долго. **В сегодняшних условиях мир достигим посредством более жесткого принуждения**, будь то в рамках навязанного верховенства права (введение миротворцев и внешнего политического менеджмента), либо навязанной же экономической интеграции в рамках большого объединения (типа ЕС или ЕАЭС).

С моей точки зрения, Армения и Азербайджан, государственное размежевание которых состоялось в 1991 году, так или иначе придут к мирному сосуществованию – просто рядом, или в рамках глобальных структур интеграции. Сразу нужно оговориться, что **путь это длительный - на долгие десятилетия. На этом пути будут падения - в военные конфликты разной степени интенсивности**, будут различные потрясения. На кого же ориентироваться в этом трудном процессе? В определенной мере эталоном могут послужить турецко-греческие отношения. Современным Греции и Турции удалось найти способы обустройства своего совместного присутствия не только в НАТО, но также в большинстве европейских программ модернизации и развития. На мой взгляд, если бы проект Евросоюза получил больше «спокойных лет» в своем развитии, без давления нынешних кризисов, Турция стала бы полноправным участником евроинтеграции наравне с Грецией.

Ближайшей по времени интеграционной структурой, включавшей в себя Азербайджан и Армению, был Советский Союз, когда коллективными силами партийного аппарата КПСС (идеологии и пропаганды) и силовых структур, целенаправленной образовательной политикой удалось создать работавший на протяжении десятилетий совместный дом. Несмотря на крах СССР, нужно признать этот опыт интеграции успешным по данной дискретной теме многонационального строительства на протяжении исторически короткого времени, хотя, конечно, не идеальным.

Как видим, сосуществование в принципе возможно, проблема в инсталляции механизмов такого длительного «принуждения», или же мирного трансформирования социально-политического поля. Иными словами, **вопрос в некоем балансе принудительных и стимулирующих мер**. К сожалению, если не считать локальные практики общественных структур, финансируемых евроинститутами (диалоговые программы ЕС),

и ряд проектов (инфраструктурные сопряжения, предлагаемые Москвой), пока вокруг карабахского конфликта такой баланс не сложился. Факт, что данная проблема остается на периферии интересов и интеграционных усилий РФ и ЕС.

* * *

В нынешних условиях тотального кризиса дипломатии и ООН как главной международной организации, призванной гасить международные конфликты, война остается главным способом политического давления. Политическая неадекватность некоторых национальных лидеров и прикрывающихся религией экстремистских группировок на фоне громадных запасов оружия по всему миру и все более примитивной схемы осуществления терактов, уже не требующих ни особого финансирования, ни специальной подготовки, превращает весь мир в арену потенциальной войны. Поэтому **ответственная политика цивилизованных государств в современную эпоху должна быть направлена на то, чтобы как минимум не множить очаги конфликтов, содействовать установлению атмосферы доверия и сотрудничества**. Как долго будет ждать Азербайджан, чтобы Армения пришла к осознанию важности компромиссов? Сегодня на этот вопрос ответить трудно. ❀

The article of the Russian political scientist is devoted to the possible development of events in the Armenian-Azerbaijani military conflict in 2018. The author sets forth the factors in favor of peaceful and military options in this conflict, gives a brief overview of the negotiation process and the positions of Azerbaijan and Armenia, making a conclusion on the formal nature of the talks with the mediation of the OSCE Minsk Group. It notes the high probability of an aggravation of the situation next year, when presidential elections will be held in both Armenia and Azerbaijan, especially in the light of the reform of the system of government in Armenia aimed at expanding the powers of the parliament and the government. It analyzes the role and position of Russia in this problem in the context of relations with Azerbaijan and Armenia, as well as in the context of geopolitical confrontation with the US. At the same time, it notes the Kremlin's policy of "dynamic balance" in relation to the Karabakh conflict. Describing the Karabakh conflict as a "war between two friends of Russia", the author compares Karabakh and Catalonia problems.